

А.И. Уемов

Вещи, свойства и отношения

(фрагменты)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Глава 1 ВЕЩИ

1. ВЕЩЬ, ПРЕДМЕТ, ОБЪЕКТ, ТЕЛО

Слово «вещь», будучи широко употребительным в основном своем значении, в повседневном обиходе приобретает различные дополнительные значения, которые либо суживают, либо расширяют объем понятия, выраженного этим словом.

«Это вещь!»— говорит Соленый в пьесе А.П. Чехова «Три сестры». Слово «вещь», произносимое особым образом, означает нечто высокого качества.

В академическом «Словаре современного русского литературного языка» слово «вещь» обозначает понятие о всяком неодушевленном предмете. Но вместе с тем это понятие резко ограничивается указанием на то, что обычно вещь — изделие человека. Быть может, именно это побудило В.П. Тугаринова считать понятие «вещь» слишком узким для того, чтобы подвергать его философскому анализу. В своей книге «Соотношение категорий диалектического материализма» он рассматривает вещи вместе с телами, частицами и веществами как частный случай предметов.

Однако уже В. Даль отмечает, что в широком смысле вещь — это все то, что доступно чувствам. Такое же значение этого «слова выделяет и ряд других словарей. Так, вещь — это «всякий предмет чувственного восприятия», «предметы, явления объективного мира, существующие вне нашего сознания», «всякое материальное явление, отдельный предмет, изделие и т. п.».

Что же обозначает слово «предмет»? Выражает ли это слово в русском языке понятия более широкие, чем те, которые были рассмотрены выше? В. Даль пишет, что предмет — это все, что представляется чувствам. В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова говорится, что предмет — это «всякое конкретное материальное явление, воспринимаемое органами чувств как нечто существующее особо, как субстанция, как вместилище каких-нибудь свойств и качеств». В словаре С. Ожегова предмет также определяется как всякое материальное явление, вещь.

Совершенно очевидно, что это те же понятия, которые связаны со словом «вещь». Правда, слово «предмет» может применяться не только к материальному миру, но и к его отражению в человеческом сознании. Но такое же употребление возможно и для слова «вещь». В. Даль приводит пример: «Нехорошую вещь ты придумал». Ясно, что в этой фразе говорится не о материальной вещи.

Сказанного достаточно, чтобы считать слова «вещь» и «предмет» в их наиболее общих значениях логическими синонимами, т. е. словами, обозначающими одно и то же понятие. Рассмотрение вещей как частного случая предметов или наоборот, а

тем более противопоставление этих понятий, что мы находим в работах некоторых наших философов, противоречит сложившемуся в современном русском языке словоупотреблению.

Другим синонимом к слову «вещь» является слово «объект». Наиболее общее значение этого слова определяется как «предмет, вещь».

Поэтому слова «вещь», «предмет» и «объект» везде ниже будут употребляться как равнозначные и заменяться друг другом лишь из стилистических соображений.

Но в каком отношении находится значение этих слов к значению слова «тело»? Очевидно, что слово «тело» не применяется к мыслям. О понятии или суждении нельзя сказать, что это «тело». А применительно к материальному миру? Совпадают ли в этом случае значения слов «вещь», «предмет», «объект» и «тело»?

В словаре В. Даля мы читаем, что тело — это «вещество, материя в границах, в наружных пределах своих; вещество в размерах, в тройком протяжении своем, наполняющее известное пространство, в длину, в ширину и в вышину».

То же самое в сущности говорится и в современных словарях. Так, в словаре С. Ожегова слово «тело» определяется как «отдельный предмет в пространстве, а также часть пространства, заполненная материей, каким-нибудь веществом и ограниченная замкнутой поверхностью» [82].

Эти определения не дают очевидного ответа на вопрос о соотношении понятий материальной вещи и тела. Поэтому для правильного его решения необходим специальный логический анализ признаков, входящих в содержание этих понятий.

2. ОТДЕЛЬНОСТЬ И ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

В понятии тела заключаются прежде всего признаки отдельности, индивидуальности. Эти же признаки являются существенными и для понятия вещи.

Отдельность означает, что вещь как-то выделяется из всего остального мира, отличается от него. при этом существует нечто, с помощью чего вещь выделяется из этого мира. Это нечто образует границу вещи.

Индивидуальность предполагает возможность устанавливать тождественность вещей и их различие.

Ответ на поставленный выше вопрос о том, совпадают ли понятия материальной вещи и тела, зависит прежде всего от того, отличаются ли отдельность и индивидуальность вещи от отдельности и индивидуальности тела. Можно ли выделять вещи из остального мира иначе, чем выделяются тела? Можно ли определять тождество и различие вещей не так, как определяют тождество и различие тел?

Из приведенных выше разъяснений значения слова «тело» совершенно ясно, как определяется индивидуальность тела. Данное тело выделяется из остального мира с помощью более или менее отчетливой пространственной границы. Границы и то, что внутри них, относятся к данному телу, то, что вне границ, — к остальному миру.

О тождественности тел можно сделать вывод на основе тождественности пространственных границ. Различие тел определяется различием пространственных границ.

Установление тождества и различия вещей в общем смысле более сложно. Ни в одном из приведенных выше разъяснений этого слова не говорится о том, что вещь должна выделяться из остального мира пространственно. Не говорится даже о том, что она занимает определенный объем в пространстве. Как же в таком случае выделяют вещь? Как определить тождественность и различие вещей?

Приведенные выше объяснения значений слов «вещь», «предмет» и «объект» ответа на эти вопросы не дают. Но люди практически решают эти вопросы на основе своего здравого смысла.

Подвергнем анализу то решение, которое дает здравый смысл.

3. ТРАДИЦИОННОЕ ПОНИМАНИЕ ВЕЩИ. ВЕЩЬ КАК ТЕЛО

Здравый смысл основан на таких положениях, которые представляются очевидными. Но иногда эти очевидные положения противоречат друг другу.

Так, здравому смыслу вполне соответствует тот принцип отождествления вещей, который известен как закон Лейбница: две вещи тождественны, если все их свойства общие.

Трудно найти вещи, имеющие больше общих свойств, чем продукты хорошо налаженного стандартизованного производства, например, экземпляры одной и той же книги. Однако ни у кого не возникает сомнения в том, что два экземпляра книги представляют собой различные вещи. Вместе с тем книжка, только что вышедшая из типографии, после того как она через несколько лет будет обтрепанной читателями, может быть, даже потеряет часть своих листов и изменит переплет, не перестанет быть сама собой, т. е. будет не другой, а той же самой вещью. И это несмотря на то, что различия в свойствах будут значительно более существенными, чем между двумя только что выпущенными книгами.

В чем же дело? Дело в том, что в настоящем примере здравый смысл рассматривает вещи как тела и применяет к ним принцип отождествления, имеющий с принципом Лейбница весьма мало общего. Считается (об этом по существу пишет Даль в своем словаре), что всякую вещь можно выделить из остального мира с помощью чувств. Из всех чувств наибольшее значение для человека имеет зрение при познании отдаленных предметов и осязание при изучении близких вещей.

Отсюда понимание отдельности, индивидуальности предметов как их способности «бросаться в глаза». В.П. Тугаринов прямо говорит об этом: «Что же разумеется под указанным признаком предметности? Это прежде всего отдельность, индивидуальное существование и отсюда наглядность, резкое отличие одного предмета от других предметов; отсюда — русское слово «предмет», т.е. то, что «мечется» или «метит» вам в глаза; отсюда также немецкое название предмета Gegenstand, т. е.— что стоит перед вами (буквально: против вас)».

Но какую границу можно определить таким образом? Ясно, что только пространственную. при таком способе определения отдельности в процессе выяснения различия и тождества вещей на первый план выступают пространственные характеристики. Всякий предмет отождествляется с соответствующим телом.

Такое пространственное понимание вещи можно назвать традиционным вследствие его распространенности не только в обыденном сознании, но также и в философии.

Рассмотрим традиционное понимание вещи более детально. Его сущность можно выразить в следующих определениях:

1. Вещь — это то, что занимает определенный объем в пространстве.
2. Разные вещи — это вещи, занимающие в каждый данный момент времени разные объемы в пространстве.
3. Одна и та же вещь — это то, что занимает один и тот же объем в каждый данный момент времени.

Со временем объем, занимаемый вещью в пространстве, меняется как по своей величине, так и по положению относительно других объемов. Но это изменение непрерывно. Бесконечно малому изменению времени соответствует бесконечно малое изменение пространства. Вещь не может исчезнуть в одном месте пространства и появиться в другом, так же как она не может исчезнуть в один из моментов времени и вновь появиться в другой. Одна и та же вещь может перейти из

одной пространственно-временной области в другую лишь заняв последовательно все моменты времени, которые их отделяют, и какой-либо из непрерывных рядов частей пространства, который может их соединить.

Именно эта непрерывность и обеспечивает, согласно обычному представлению, единство вещи. Разрыв, временной или пространственной или тот и другой вместе, этой непрерывности разрушает единство вещи. То, что ликвидируется в одном месте пространства и появляется в другом или, исчезнув в прошлом, появляется в будущем, мы называем не одной и той же вещью, но двумя разными, хотя, быть может, и очень похожими друг на друга.

Разделяя область пространства, занимаемую вещью, на несколько частей, говорят о разных частях вещи, которые сами, поскольку их пространство отделено от пространства других частей, являются особыми вещами, например, корни, листья, ветви и ствол дерева. Разные части одной и той же вещи должны вплотную прилегать друг к другу. Но при определенных условиях они могут отделяться друг от друга. Если объем частей, отделяющихся от целого, незначителен в сравнении с объемом целой вещи, так что практически можно считать, что сумма объемов остающихся частей меняется непрерывно, то говорят об изменении вещи, остающейся тем не менее той же вещью. Например, это происходит при опадании листвы деревьев, при стрижке волос и т. д. Если же вещь распадается на однопорядковые по объему части, то такой процесс считается уничтожением старой вещи и порождением новых. Это имеет место, например, при делении бактерий. Наоборот, если объединяются большая и малая вещи, то говорят лишь об изменении одной из них, а если их объемы одного и того же порядка, то говорят о порождении новой вещи.

Хотя сказанное выше предполагает некоторую аналогию между пространством и временем, эта аналогия далеко не полная, так как пространство здесь играет решающую, а время — лишь второстепенную роль. Так, например, части одной и той же вещи отделяются друг от друга только по отношению к пространству. Можно говорить о правой и левой, верхней и нижней, южной и северной частях вещей, но нельзя выделить часть предмета, существующую до данного момента, и часть, существующую после него.

4. ПРОТИВОРЕЧИЯ ТРАДИЦИОННОГО ПОНИМАНИЯ ВЕЩИ

Изложенное понимание вещи, отождествляющее всякую вещь с телом, приводит к ряду серьезных трудностей и парадоксов. Эти трудности малозаметны в тех случаях, когда противоречие между принципом отождествления тел и принципом Лейбница сглаживается. Но они становятся совершенно очевидными, когда указанное противоречие выдвигается на первый план.

Т. Гоббс приводит следующее рассуждение о знаменитом корабле Тезея: «Если в этом корабле все доски будут постепенно заменены новыми, то корабль останется численно тем же самым, но если кто-нибудь сохранил бы вынутые старые доски и, соединив их наконец в прежнем порядке, построил бы из них корабль, то и этот корабль был бы несомненно количественно тем же самым, что и первоначальный. Мы имели бы в этом случае два численно идентичных корабля, что является абсурдом».

Построенный вновь корабль по своему материалу и по своей форме будет тем же, что и прежний, но, с другой стороны, тем же будет и тот корабль, с которым произошли изменения. при этом оказываются существенными те обстоятельства, которые с точки зрения здравого смысла как будто бы не могут быть существенными для определения тождественности вещи. Если в корабле менять доски постепенно одну за другой, то корабль остается тем же самым. Но если заменить их все сразу?

И если заменять их на другом месте, скажем, вынуть старый киль и положить новый рядом, а не на место старого?

Ответы на эти вопросы неизбежно вызовут споры вследствие тех противоречий, которые лежат в основе традиционного понимания вещи.

Можно сформулировать другой парадокс, аналогичный парадоксу, приведенному Гоббсом, который будет еще более ярко иллюстрировать трудности чисто пространственного подхода к вещи. Останется ли вещь той же самой, если последовательно изменить все свойства, отличающие ее от других вещей?

Поскольку пространственно-временная непрерывность при таком изменении сохранится, получившаяся в его результате вещь будет той же самой вещью, что и до изменения. Но вместе с тем это будут два объекта, максимально отличающиеся друг от друга по своим свойствам. Трудно поверять в то, что это та же самая вещь.

В природе часто встречаются превращения, при которых меняются если не все свойства, то во всяком случае значительная часть существенных свойств. Например, гусеница превращается в куколку, а последняя — в бабочку. Они значительно отличаются друг от друга и по анатомическому устройству и по образу жизни. Много ли общего между ползающей гусеницей, неподвижной куколкой и порхающей бабочкой? Но тем не менее традиционное понимание заставляет нас признать все это одной и той же вещью.

Таким образом, это понимание вещи приходит в резкое противоречие с принципом тождества Лейбница. Ведь тождество означает одинаковость, отсутствие различного или, в более широком понимании, максимум одинакового, минимум различного.

Исходя из принципа Лейбница, мы должны скорее назвать тождественными две бабочки одного и того же вида и возраста, практически неотличимые друг от друга, чем бабочку и ее куколку, бабочку и ее личинку и, наконец, бабочку и зародыш ее личинки в яйце.

Чаще всего мы всецело следуем традиционному пониманию вещи и называем тем же самым то, что существенно различно по своим свойствам. Но иногда отдается предпочтение принципу Лейбница, и тогда в соответствии с ним мы отказываемся считать одной и той же вещь до и после значительного качественного изменения. Так, мы не думаем, что той же самой вещью является живое существо и его труп, несмотря на то, что смерть сама по себе не нарушает пространственно-временной непрерывности и, согласно традиционному пониманию вещи, живое существо и его труп должны представлять собой одну и ту же вещь.

В данном случае имеет место отступление от того аспекта обычного понимания вещи, согласно которому непрерывность изменения в пространстве и времени обеспечивает тождественность вещи.

Однако основа этого понимания сохраняется. В повседневном обиходе не возникает никаких сомнений в том, что две вещи одновременно не могут находиться в одном объеме пространства, и в том, что одна и та же вещь ни может одновременно быть в разных местах пространства.

Связь этих принципов с традиционным пониманием вещи настолько очевидна, что неокантианец Х. Зигварт провозглашает ее априорный характер:

«Основоположение, что в том же самом месте пространства не могут находиться две различные вещи, не есть, следовательно, такое основоположение, которое лишь приводило бы уже готовому представлению о вещах, а такое основоположение, которое руководит образованием самого этого представления,— и постольку с гораздо большим правом, нежели иное кантовское основоположение, могло бы быть включено под априорные предпосылки нашего опыта, и его происхождение из единства самосознания равным образом ясно как день».

5. ТРАДИЦИОННОЕ ПОНИМАНИЕ ВЕЩИ И СОВРЕМЕННАЯ ФИЗИКА

Современная физика заставляет пересмотреть приведенное выше положение о невозможности нахождения двух вещей в одном месте пространства, лежащее, как указывалось, в основе традиционного понимания вещи.

Среди объектов, которые изучает физика в настоящее время, большое место занимают волны. Классическая физика также изучала волны, но она рассматривала их как формы протекания процессов, совершающихся с вещами, а не как вещи. Волнам противопоставлялись вещи, такие, например, как частицы материи — атомы. Квантовая механика доказала несостоятельность этого противопоставления. Волны являются в известном отношении частицами, и, наоборот, частицу можно рассматривать как совокупность волн. С электронами, протонами и всеми другими частицами могут происходить все явления, характерные для волн (интерференция, дифракция и др.). Эти выводы квантовой механики нашли блестящее экспериментальное подтверждение.

Поскольку частицы являются вещами, постольку и те волны, через которые их можно представить, также являются вещами. Разные волны — разные вещи. Но различные волны могут находиться в одном и том же месте. При этом каждая волна ведет себя так, как будто никаких других волн в этом месте нет (принцип суперпозиции). Следовательно, они не сливаются в одну вещь, а представляют собой различные вещи, реально существующие в одной и той же области пространства.

Вместе с тем современная физика заставляет отказаться и от другого фундаментального для традиционного понимания вещи положения о том, что одна и та же вещь не может одновременно находиться в разных местах.

Для того чтобы разобраться в этом, рассмотрим две частицы a и b находящиеся в изолированных друг от друга участках пространства: $[a] | [b]$

Поскольку частицы находятся в различных частях пространства, классическая статистическая физика считала их различными вещами и поэтому отличала состояние системы, при котором частица A находилась в левой области пространства, а частица B в правой, от того состояния, при котором в левой области находилась частица B , а в правой — частица A : $[a] | [b] \neq [b] | [a]$

Исходя из этого положения, строились формулы статистической физики. Однако они не соответствовали новым опытным данным. Построить статистическую теорию, соответствующую данным эксперимента, удалось лишь после того, как было выдвинуто положение о принципиальной неразличимости состояний, отличающихся друг от друга лишь местоположением одинаковых частиц: $[a] | [b] = [b] | [a]$.

Строго говоря, вследствие тождественности обоих состояний системы частицы нельзя даже обозначать различными буквами.

Основанные на этом положении квантовые статистики Бозе — Эйнштейна и Ферми — Дирака позволили каждая в своей области объяснить многие физические факты, например, знаменитую формулу Планка, которая положила начало квантовой физике. Это явилось подтверждением принципа, лежащего в основе указанных квантовых статистик. Но он подтверждается не только через свои следствия. Видный советский физик Я. И. Френкель отмечает, что этот принцип вытекает из основ волновой, т. е. квантовой, механики, утверждающей, что движение частиц не обладает той пространственно-временной непрерывностью, которая является основой традиционного понимания тождественности вещи: «В классической механике тождественные частицы, образующие рассматриваемую систему, считаются различными. Пронумеровав их каким-нибудь образом в произвольный начальный момент времени и непрерывно следя за их перемещением в пространстве, мы можем всегда опознать каждую из них в любой конфигурации,

образуемой ими в позднейший момент времени.

Подобное «опознание» предполагает непрерывное движение каждой частицы по определенной траектории — в соответствии с принципами классической механики.

В волновой механике движение как отдельной частицы, так и системы частиц не может быть описано. Если начальная конфигурация системы известна, то, согласно соотношению неопределенности, скорости частиц остаются совершенно неопределенными.

Таким образом, оказывается невозможным проследить за изменением конфигурации частиц. Вместо кинофильма о движении частиц волновая механика дает картину некоторой туманности (в конфигурационном пространстве), плотность которой определяет вероятность обнаружения частиц в соответствующих местах.

В лучшем случае она дает нам моментальный снимок конфигурации частиц в рассматриваемый момент. При этом, однако, мы не имеем никаких оснований для «персонального» опознания этих частиц, если по своей природе (массе, заряду и т. д.) они совершенно одинаковы.

Отсюда следует, что волномеханическое описание системы тождественных частиц должно иметь обезличенный характер, исключающий возможность различения частиц хотя бы присвоением им определенных наименований или номеров. Этот принцип мы будем называть «принципом обезлички». Название «принцип обезлички» нельзя считать удачным, так же как и название «принцип тождественности частиц», используемое другим советским физиком Д.И. Блохинцевым. И в классической физике частицы обезличены и тождественны, но это не мешало там считать их различными, так как они занимали различные места пространства. Поскольку суть принципа, о котором идет речь, заключается в том, что и различие по положению в пространстве не может служить основой для различения тождественных частиц, его, на наш взгляд, лучше всего назвать «принципом неразличимости».

Д.И. Блохинцев подчеркивает, что без этого принципа нельзя получить из квантовой механики выводы, согласующиеся с опытом. Таким образом, отказ от него привел бы к отказу от основных положений современной теоретической физики. Д.И. Блохинцев дает весьма общую формулировку принципа неразличимости, или, по его терминологии, принципа тождественности частиц, выходящую в качестве предположения за рамки квантовой механики и непосредственно направленную против традиционного понимания вещи. Так, он пишет: «Таким образом, в квантовой области единственный способ, по которому можно различать одинаковые частицы, — различие по состояниям отказывается служить. В этой связи мыслимо предположение, что встречающиеся в природе системы устроены так, что вообще проблема различения одинаковых частиц является надуманной, т. е. что состояния совокупности одинаковых частиц всегда таковы, что можно говорить лишь о состоянии всей совокупности в целом, а не о распределении частиц по состояниям. Это предположение оправдывается на самом деле. Его мы формулируем в форме принципа тождественности частиц: в совокупности одинаковых частиц реализуются лишь такие состояния, которые не меняются при обмене одинаковых частиц».

Итак, если частицы тождественны по своим свойствам, то различное положение в пространстве не может служить основанием для их различения. Вообще их нельзя различить. Следовательно, они представляют собой одну и ту же частицу, одновременно находящуюся в различных местах пространства.

Если оставаться на позициях традиционного понимания вещи, то это воспринимается как нарушение закона противоречия. Поэтому некоторые зарубежные авторы считают, что новая физика опровергает не только старую физику, но и старую логику. Отождествляя основные законы мышления аристотелевской логики с положениями ньютоновской физики, О. Рейзер в своей

работе «Non-aristotelian Logic and the crisis in science» предлагает отказаться от аристотелевской логики и построить новую, неаристотелевскую логику, отвергающую законы тождества, противоречия и исключенного третьего.

Конечно, аристотелевская система логики не является единственно возможной. Запросы современной науки требуют разработки новых логических теорий, приспособленных для решения сложных проблем, непосильных для логики Аристотеля. В настоящее время такие логические теории созданы и успешно разрабатываются, прежде всего в форме различных направлений символической логики. Однако достижения символической логики получены не путем отказа от основных законов мышления.

В многозначной логике формулируются законы, отличные от законов логики Аристотеля. Но, как справедливо отмечает А. Зиновьев, отрицание законов Аристотеля не имеет силы и в многозначной логике: «...из рассмотренного в данной работе материала следует, что законы двухзначной логики не отрицаются законами многозначной логики, как и законы второй не отрицаются законами первой. Так что понимать неуниверсальность законов логики как членение мира на сферы, в одних из которых действуют одни логические законы, а в других — их отрицания, будет грубейшей ошибкой».

Развитие логики идет путем выявления неисследованных ранее форм мысли. Новые логические теории разрабатывают новые методы анализа таких форм, которые не поддаются анализу с помощью старых методов. Но поскольку любые новые формы мысли являются все же формами мысли, существуют какие-то общие законы, которые свойственны им именно как формам мысли.

К их числу относится и закон противоречия. Обоснование универсального характера этого закона в настоящее время дается не только в формальной, но и в диалектической логике. Однако если закон противоречия абсолютен, то как же осмыслить существование одной и той же вещи одновременно в разных местах и другие парадоксы, возникающие в связи с открытиями современной физики?

Рассматривая аналогичную проблему в связи с анализом парадоксов Зенона, А.С. Ахманов писал: «Логический интерес этих парадоксов состоит в том, что в основе этих парадоксов, как и многих других парадоксов современной логики, лежит попытка осмыслить новый факт в категориях и понятиях, отражающих старый иной опыт и старые иные факты. Поэтому новое осмысливается в понятиях недостаточных или даже категориально чуждых новому опыту и новым фактам. Вследствие этого возникают мнимые возможности зараз утверждать и отрицать одно и то же или зараз признавать ложным утверждение и отрицание... Смысл этих парадоксов заключается не в том, что якобы зараз одно и то же утверждается и отрицается, а в том, что они демонстрируют невозможность осмыслить многообразие и движение в понятиях, категориально чуждых осмысливаемым фактам. Таково свойство наших понятий, что они всегда отражают какой-то определенный и ограниченный опыт и потому не способны к бесконечному расширению. Попытка расширить их приложение за пределами того опыта, отражением которого они являются, часто оказывается причиной того, что этот новый опыт осмысливается в чуждых ему категориях, что порождает парадоксы, устраняемые в том случае, если будут найдены новые понятия, отражающие новый опыт» (курсив мой.— А. У.).

Эта мысль А.С. Ахманова *mutatis mutandis* применима и к рассматриваемому нами случаю, где парадокс возникает потому, что мы пытаемся осмыслить опыт с помощью неприспособленного к нему понятия — традиционного понятия вещи. Специфика данного случая состоит только в том, что это понятие уже с самого начала противоречиво. Но если применительно к обычному опыту это противоречие выступает в завуалированной форме и не является большой помехой к

использованию традиционного понятия вещи, то новый опыт, который дает нам современная физика, делает это противоречие очевидным и требует решительного пересмотра старого понятия вещи.

6. КАЧЕСТВЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ВЕЩИ

Рассмотрим иное понимание вещи, свободное от разобранных недостатков. Будем исходить из того, что вещь (пока плюются в виду лишь материальные вещи) есть прежде всего часть материи. Основная проблема при определении вещи заключается в установлении того, каким образом одну часть материи, т.е. одну вещь, отличать от другой части материи — другой вещи. Решение этого вопроса связано с определенным пониманием природы материи и ее атрибутов. Для старых материалистов основным атрибутом материи являлась протяженность. Картезианцы даже отождествляли материю с протяженностью. Поэтому естественно, что они отличали одну вещь от другой по месту в пространстве. Граница между вещами могла быть только пространственной.

Диалектический материализм считает, что материя не тождественна пространству. Оно не является единственным или даже самым важным свойством материи. Материя представляет собой бесчисленное многообразие различных качеств. Пространство — лишь одно из них, хотя и принадлежит к числу самых общих качеств, называемых формами существования материи. Другой формой существования является время. Пространство и время всегда выступают вместе, что дает основание современной физике объединять их в едином понятии пространственно-временного континуума.

Важнейшей формой существования материи является также движение в его многообразных, качественно отличных друг от друга формах.

Поскольку материя не сводится к пространству, выделять различные части материи можно не только по пространственному признаку, но и по времени, и по движению, и по любым другим из бесчисленного многообразия различных качеств материи.

Граница между вещами может быть не только пространственно-количественной, но и качественной. Понятие качественной границы между вещами сформулировано еще Гегелем. «Отрицание в наличном бытии еще непосредственно тождественно с бытием, и это отрицание есть то, что мы называем границей. Лишь в своей границе и благодаря своей границе нечто есть то, что оно есть. Нельзя, следовательно, рассматривать границу как лишь внешнее наличному бытию; она, наоборот, проникает все наличное бытие. Понимание границы как лишь внешнего определения наличного бытия основано на смешении качественной границы с количественной. Здесь речь идет пока о качественной границе. Если мы, например, рассматриваем участок земли величиной в три моргена, то это — его количественная граница. Но этот участок земли есть, кроме того, луг, а не лес или пруд, и это составляет его качественную границу».

При более широком понимании вещей преимущественное значение приобретают качественные границы между ними. Во многих случаях качественные границы тесно связаны с пространственными, так что различные тела и одно и то же тело окажутся соответственно различными вещами и одной и той же вещью. Например, каждый человек отличается от других вещей, в том числе и от других людей, и пространственно и качественно. То же можно сказать про каждый город, любую планету солнечной системы и т. д.

Однако часто даже в повседневной жизни такого совпадения нет. Качественные границы могут отсутствовать там, где есть пространственные. Один и тот же институт может быть расположен в разных местах города. Пространственный

разрыв между зданиями не разрывает в этом случае институт как единую вещь, хотя и мешает его нормальному функционированию.

С точки зрения пространственной, населенный пункт Башкенд и окружающая его территория являются частью Азербайджанской ССР, так как они окружены со всех сторон территорией Азербайджана. Но от Азербайджана их отделяют качественные границы, что обусловило включение этой территории в состав другой республики — Армянской ССР. Аналогично некоторые географические части Армении составляют по совокупности существенных в данном случае качеств части Азербайджана.

«Границы, качественно разделяющие вещи,— подчеркивает Б.М. Кедров, — меньше всего можно понимать наподобие геометрических границ. Две порции воды могут быть пространственно разделены тысячами километров, тем не менее между ними отсутствует граница, разделяющая вещества на различные группы». Но в данном примере еще можно говорить о разных частях воды, расположенных в разных местах пространства. В качественно совершенно однородной среде, с точки зрения современной физики, бессмысленно выделять какие-либо части и по пространственному признаку. При этом определяющее значение качественных границ проявляется в том, что, прежде чем применять пространственные характеристики «больше», «меньше», «справа», «слева» и т. д., нужно в этой среде выявить какую-то качественную разнородность — хотя бы одну точку, отличающуюся от других. Таким образом, само пространственное выделение вещи возможно лишь на основе качественного выделения.

Вместе с тем качественно различные вещи могут совсем не иметь пространственной границы. В одной и той же области пространства находятся электромагнитное и гравитационные поля, качественно отличающиеся друг от друга и представляющие собой объективно различные вещи. Иногда один и тот же человек в различных обстоятельствах поступает настолько по-разному, как будто это два человека. Герцен описывает бюрократа, который в качестве губернатора одной губернии отвечал довольно резко на свои письма, написанные им в качестве губернатора другой губернии.

Изменение качественной границы в процессе развития превращает одну вещь в другую, независимо от сохранения или изменения пространственных характеристик. Так, лед превращается в другую вещь — воду, вода, превращается в пар. Радий при радиоактивном распаде превращается в радон, нейтрон — в протон и т. д. Одна вещь — гусеница превращается в другую вещь — куколку, куколка — в бабочку.

Сущность качественного понимания вещи можно выразить в следующих определениях:

Вещь — это система качеств.

Различные вещи — это различные системы качеств.

Одна и та же вещь — это одна и та же система качеств.

Два последних определения вытекают из первого с помощью вывода через ограничение.

Уже из приведенных выше примеров видно отличие качественного понимания вещи от традиционного. То, что считается одной и той же пространственно понимаемой вещью, оказывается различными вещами при их качественном понимании. В то же время тождественность вещи сохраняется и при нарушении пространственно-временной непрерывности. Вещь может исчезнуть в одном месте пространства и появиться в другом, исчезнув в один момент времени, появиться в другой. Мы должны считать ее той же самой вещью, если это будет та же самая система качеств. Только с этой точки зрения можно понять движение электрона без траектории. Электрон, исчезая в один момент в одном месте, появляется в другой момент в другом месте, нарушая тем самым пространственно-временную непрерывность. Однако это будет тот же самый электрон, поскольку теми же

самыми будут его свойства.

Качественно понимаемая вещь, так же как и вещь в традиционном понимании, состоит из частей. Но эти части являются не частями пространства, а частями системы качеств. Поскольку эти части, в свою очередь, являются также системами качеств, они представляют собой особые вещи. Например, в качестве особых вещей можно рассматривать магнитную и электрическую составляющие электромагнитного поля. Эти две части составляют целое, но не в пространственном, а именно в качественном смысле, как две подсистемы единой системы качеств.

Разумеется, качественные границы между вещами не всегда бывают четко определенными, но еще более смутными бывают пространственные границы между вещами. Например, трудно определить пространственную границу земной атмосферы, и невозможно точно определить границу поля земного тяготения. Зато качественную границу, отделяющую его, скажем, от электромагнитного поля, найти довольно легко.

Определение качественной границы в большинстве случаев не может быть произведено с помощью зрения, осязания или других чувств. Это результат рационального анализа действительности, разумеется, исходящего из данных органов чувств. Конечно, и пространственную границу не всегда можно увидеть, но все же при пространственном понимании предмета эта возможность, как правило, предполагается.

Традиционное понимание вещи смешивает пространственный принцип отождествления тел и принцип тождества Лейбница. При количественном понимании вещи за основу берется принцип Лейбница. Однако формулировка этого принципа, которая была приведена выше, обладает существенным недостатком, который неоднократно был использован для критики качественного понимания вещи.

Так, Гоббс еще до того, как рассматриваемый принцип был сформулирован Лейбницем, писал: «Так как при появлении новой акциденции вещам обыкновенно дается новое имя, то тот, кто видит основание идентичности в сумме акциденций, будет полагать, что в этом случае и сама вещь стала другой. Согласно первому воззрению человек, совершающий преступление, не есть тот самый, который подвергается наказанию, так как человеческое тело подвергается непрерывному изменению. Точно так же следовало бы отсюда, что и государство, изменившее в течение столетий свои законы, не остается больше тем же государством — вывод, который между тем опрокинул бы все понятия о праве» [29, стр. 95].

Аналогичное возражение, хотя и с иной философской позиции, выдвигает Х. Зигварт: «Если бы вещь была только суммой свойств, если бы ее представление существовало только благодаря тем функциям, при помощи которых мы схватываем свойства как таковые, тогда невозможно было бы даже прийти к мысли об изменяющейся вещи; при малейшем изменении мы имели бы исчезновение прежнего единства и его замещение новым, иначе составленным. Если в сумме изменяется хотя бы одно слагаемое, то сумма не может оставаться той же самой, но сама становится иной».

Б. Рассел приводит интересный аргумент, который в свое время выдвинул Арно против Лейбница. Если вещь отождествляется с совокупностью своих свойств, то вещи можно приписать только такие предикаты, которые предполагаются самим понятием о вещи. Таким образом, всякое суждение о вещах будет аналитическим. «Например, «Цезарь» представлял собой совокупность предикатов, одним из которых было то, что он „перешел Рубикон». Таким образом, получается, что перейти Рубикон его принудила логика, и здесь ничего не остается на долю случайности или свободной воли».

Б. Рассел ищет выхода из этого затруднения в различении комплекса свойств, образующих вещь саму по себе, и наших переживаний, связанных с этой вещью.

«Рассматривая Цезаря таким, каким он был, без тех ограничений, которые проистекают из нашей неосведомленности, мы можем сказать, что он представлял собой последовательность событий, каждое из которых было полным мгновенным опытом. Если бы нам нужно было определить имя „Цезарь» посредством перечисления этих событий, то в наш перечень вошел бы и переход через Рубикон, и предложение „Цезарь перешел Рубикон» было бы аналитическим. Но на самом деле мы не определяем „Цезаря» этим способом и не можем сделать этого, поскольку не знаем всех переживаний, составляющих его опыт. То, что происходит на самом деле, больше похоже на следующее: определенная последовательность переживаний имеет определенные характерные черты, которые заставляют нас называть такую последовательность «персоной». Каждая персона имеет какое-то число свойственных ей характерных черт; Цезарь, например, имел собственное имя «Юлий Цезарь». Допустим, что Р есть какое-то свойство, принадлежащее только одной персоне; тогда мы можем сказать: «Я даю имя А персоне, имеющей свойство Р». В этом случае имя А является аббревиатурой выражения „персона имеющая свойство Р». Ясно, что если эта персона имеет также и свойство Q, тогда утверждение «А имеет свойство Q» не является аналитическим, если Q не является аналитическим консеквентом Р».

Далее Б. Рассел отмечает: «Я считаю, что я могу воспринять комплекс сосуществующих качеств без необходимости воспринимать все составляющие целое качества».

Б. Рассел подходит к решению поставленной проблемы с субъективистской точки зрения. Однако, независимо от переживаний субъекта, означает ли тождественность системы свойств тождественность каждого отдельного свойства, входящего в эту систему?

Положительный ответ на этот вопрос кажется совершенно очевидным. В частности, это очевидно для Гоббса и Зигварта в приведенных выше их высказываниях. Но такое мнение основано на понимании целого как простой суммы своих частей. На самом деле целое обладает относительной самостоятельностью по отношению к своим частям. В последнее время некоторые физики высказывают мнение о том, что целое может быть даже более простым образованием, чем составляющие его части. Поэтому нельзя считать, что любое изменение части меняет целое. Изменение целого происходит лишь тогда, когда часть меняется таким образом, что это разрушает всю целостную систему качеств. Например, изменение температуры воды в определенных пределах не меняет систему качеств, образующих воду. Изменение это произойдет лишь в том случае, если температура при обычных условиях достигнет 100°. Тогда произойдет преобразование одной системы качеств в другую, т. е. превращение вещей. Раненое животное остается тем же самым животным, пока не распадается вся система качеств, образующих это живое существо. Таким образом, утрата или приобретение системой того или иного свойства не превращает данную вещь в другую до тех пор, пока не преобразуется вся система качеств.

Поэтому приведенные выше аргументы против качественного понимания вещи имеют значение только при понимании ее как простой механической суммы свойств. Однако даже и в этом случае подобные аргументы содержат ошибку, называемую в логике *qui minimum probat nihil probat* («доказывается слишком много»). Если при качественном понимании изменение любого свойства превращает одну вещь в другую, то это же будет иметь место и при пространственном понимании. Действительно, пространственное изменение вещи — ее увеличение или уменьшение — будет означать, следовательно, что мы имеем дело не с той же самой вещью. Указанию на непрерывность изменений пространственных характеристик можно противопоставить непрерывность изменения свойств при

качественном понимании. Одним словом, каждый аргумент, выдвинутый против качественного понимания вещи в защиту пространственного, можно *mutates mutandis* обратить против пространственного и в защиту качественного понимания вещи.

Однако только при качественном подходе вещь можно понять как нечто большее, чем простая сумма частей. Применительно к такому пониманию необходимо видоизменить формулировку принципа Лейбница, несколько ослабив ее. Для определения тождественности тел нет необходимости проверять совпадение всех их точек. Для этого достаточно определить тождественность пространственных границ. Если всякий раз, пересекая границу одного из них, мы пересекаем тем самым и границу другого, то тела тождественны друг другу.

Соответственно этому при качественном понимании достаточно выяснить совпадение качественных границ. Отсюда вытекает следующая формулировка: две вещи тождественны, если любое изменение качества, преобразующее одну из них, преобразует и другую.

Приведенное уточнение принципа Лейбница не означает, что в некоторых случаях нельзя пользоваться более сильными формулировками, например, принципом неразличимости: неразличимые во всех отношениях друг от друга вещи представляют собой одну и ту же вещь. В последнее время принцип неразличимости подвергается оживленному обсуждению в зарубежной логической литературе. Макс Блэк пытался, например, построить воображаемую модель двух неразличимых миров, которые были бы тем не менее различными мирами. Однако в рассуждениях Блэка допущены неточности. Поэтому они не опровергают принцип неразличимости. Неразличимость можно считать достаточным основанием для отождествления вещи. Выше подвергалось критике лишь использование этого принципа в качестве необходимого основания.

Качественное понимание вещи разделяется многими философами, стоящими на позициях идеализма. К ним относится, например, Лейбниц. Можно привести также в качестве примеров многих представителей эмпириокритицизма. Но это, разумеется, не означает, что качественное понимание вещи связано с идеалистическим решением основного вопроса философии. Материализм и идеализм различаются решением вопроса о соотношении материи и сознания.

... Идеалисты могут исходить и из пространственного понимания вещи. В качестве примера можно назвать Фому Аквинского [97, стр. 328] или упоминавшегося Х. Зигварта.

Вместе с тем существуют материалисты, исходящие из пространственного понимания вещи, и материалисты, придерживающиеся качественного понимания.

По существу из качественного понимания вещи исходит Гоббс, когда он пишет: «Одно дело спрашивать останется ли Сократ тем же человеком, другое дело спрашивать, останется ли он тем же телом, ибо тело Сократа-старика уже в силу разницы в величине не может быть тем же самым, каким оно было у Сократа-ребенка. Одно и то же тело всегда обладает одной и той же величиной. И тем не менее Сократ остается тем же человеком... Человек остается тем же самым, поскольку все его поступки и мысли проистекают из того же жизненного принципа движения, заложенного в нем со дня рождения».

Следовательно, Гоббс прямо противопоставляет вещь телу. при этом жизненный принцип движения, о котором говорит Гоббс, представляет собой совокупность определенных качеств; другая совокупность качеств образует тело.

Та или иная система качеств существует объективно (например, система качеств, называемая человеком). Но нет системы качеств, в которую входили бы, например, такие качества: способность мыслить, быть простым числом, иметь атмосферу и разлагаться на кислород и водород. Человек образует в своем сознании единство

признаков на основе того единства качеств, которое существует объективно, в самой природе. И только после этого он как-то называет это единство. Поэтому Гоббс совершенно неправ, когда он пишет: «Когда встает вопрос об идентичности какого-нибудь предмета, то решающим является данное ему имя». Однако эта номиналистическая терминология не меняет существа материалистических взглядов Гоббса.

Г.В. Плеханов очень сочувственно цитирует известного английского материалиста Пристли: «Определение вещи, субстанции или сущности (называйте как хотите) может состоять только в перечислении ее известных нам свойств. Если мы отнимаем все известные нам свойства, то не останется ничего, о чем можно было бы иметь представление».

Во избежание недоразумений следует подчеркнуть, что качественное понимание вещи не означает, что она рассматривается вне пространства, так же как и пространственное понимание вещи не означает, что она не обладает никакими качествами. Все вещи существуют в пространстве и времени. Это так же верно, как и то, что все они движутся и наделены множеством качеств. Спорный вопрос заключается в том, являются ли пространственные характеристики единственным основанием для выделения вещи из окружающей действительности.

7. ПРЕИМУЩЕСТВА КАЧЕСТВЕННОГО ПОНИМАНИЯ ВЕЩИ

Каковы же те преимущества, которые дает качественное понимание вещи?

Рассмотрим ряд парадоксов. Еще философы элейской школы обнаружили следующее логическое затруднение. Удаление из кучи одного зерна не уничтожает кучи как вещи, так как объем зерна ничтожно мал в сравнении с объемом кучи. То же самое повторится при удалении второго, третьего зерна и т. д. И тем не менее, беря по одному зерну, можно рано или поздно уничтожить кучу, хотя и нельзя указать момента, когда это произойдет. Этот парадокс можно разрешить лишь с помощью закона перехода количественных изменений в качественные. Но если рассматривать вещи чисто пространственно, то никакого качественного изменения в куче не может произойти от прибавления или убавления одного зерна.

Объемы кучи в n и кучи в $n + 1$ зерен отличаются друг от друга не качественно, а только количественно. Если же рассматривать вещь как систему качеств, то прибавление или убавление одного зерна рано или поздно «вызывает появление нового свойства, меняющего всю систему качеств, и тем самым создает или уничтожает вещь. Если понимать под кучей такую совокупность зерен, которая вызывает какой-либо точно определенный эффект, то по наличию или отсутствию этого эффекта можно определить, какое зерно делает совокупность зерен кучей. Одного зерна бывает вполне достаточно, чтобы превзойти порог ощущения. Если же, как это часто бывает в науке, требуется большая точность, чем та, которая дается нашими органами чувств, то можно воспользоваться приборами.

Не вызывает принципиальных затруднений и парадокс, отмеченный Гоббсом. Корабль как система качеств — один и тот же в обоих случаях. Различие относится к другим системам качеств — к телам, т. е. корпусам этих кораблей. Из частей корабля Тезея создается другой экземпляр того же самого корабля. Ситуация, совершенно аналогичная существованию разных экземпляров одной и той же книги. Нельзя считать, что разные экземпляры — это разные книги. В таком случае они должны были бы различаться по тем качествам, которые образуют книгу, — у них должны были бы быть разные авторы, разные мысли или хотя бы разные слова. Но все это совершенно одинаковое. Различие относится только к «телам» этих книг. Можно сказать, что два экземпляра представляют собой разные тела, но как книги — это одно и то же.

Пространство во многих отношениях аналогично времени. Существует положение о том, что при повторении причины должно повторяться и действие. Но ни один момент времени не может повториться. Значит ли это, что приведенное положение лишено смысла? Если бы это было так, принцип причинности потерял бы практическое значение. В действительности, хотя время и не повторяется, комплексы качеств, образующих причину и действие, повторяются. Оба повторения (причины и действия) отделены друг от друга во времени так же, как корабли Тезея разделены пространственно. Разделение во времени не дает еще основания рассматривать повторяющиеся причины и действия как разные явления, точно так же как разделение в пространстве не может быть основанием, препятствующим отождествлению кораблей Тезея. В обоих случаях различие касается лишь временных интервалов и пространственных областей.

Решение другого парадокса, о котором упоминалось выше как об аналогичном парадоксу Гоббса, вытекает из самого понятия вещи как системы качеств. Замена одного свойства вещи другим сохраняет вещь до тех пор, пока эта замена не разрушает систему качеств и не превращает одну вещь в другую. Примером такого преобразования вещей может служить разобранная выше эволюция бабочки (яйцо, гусеница, куколка).

Анализ этих парадоксов с позиций качественного понимания вещи показывает, что одна и та же вещь содержит в себе какие-то различия, так как при изменении несущественных свойств вещь не перестает быть сама собой. Таким образом, тождество — это не всегда абсолютная одинаковость, абсолютное отсутствие различий. ...

Традиционное понимание вещи противоречит как абстрактно-метафизическому, так и диалектическому пониманию тождества. Качественное понятие вещи соответствует диалектическому пониманию тождества.

В связи с этим необходимо отметить, что диалектически понимаемое тождество является относительным: тождественное в одних отношениях может оказаться нетождественным в других. Следовательно, является относительным и качественное понятие вещи. Например, с точки зрения анатомо-физиологической, малолетний преступник, попавший в колонию Макаренко и исправившийся там, остался тем же самым человеком. Но как член общества это уже совсем другой человек. В другом плане этот вопрос связан с вопросом об относительности существенных признаков.

Нет необходимости останавливаться на том, что при качественном понимании вещи разные вещи одновременно могут находиться в одном и том же месте пространства, причем в этом нет никакого противоречия. Нет противоречия и в том, что одна и та же вещь может одновременно находиться в разных местах.

Противоречие возникает, если согласно традиционному пониманию вещи считать различными только те вещи, которые одновременно занимают разные места в пространстве.

Однако различие мест, занимаемых в пространстве, не обязательно означает различие систем качеств, т. е. вещей. Поэтому нет ничего противоречивого в том, что одна и та же вещь одновременно занимает различные места в пространстве. Общие законы мышления при этом сохраняют всю свою силу.

Очень важным преимуществом качественного понимания вещи перед пространственным является то, что оно может быть применено не только к материальному миру, но и к его отражению в голове человека. Результаты отражения материальных вещей представляют собой восприятия, представления и понятия, которые можно рассматривать как системы признаков — отображений объективно существующих качеств. Таким образом, материальные вещи — это системы качеств, идеальные вещи — это системы признаков.

При традиционном понимании вещи, отождествляющем ее с телом, не существует однозначного соответствия между вещами и понятиями. Разные понятия могут соответствовать одной и той же вещи. Например, понятия воды у химика, физика и домашней хозяйки будут различными. Можно образовать и сводное понятие «вода», объединяющее в своем содержании признаки всех этих понятий. Все они соответствуют одной и той же вещи, причем даже не различным частям этой вещи, так как к любой пространственно выделенной части воды применимы сразу все эти понятия.

Отсутствие однозначного соответствия вещей и их мысленных отображений часто создает путаницу и затруднения в понимании связи понятий с внешним миром.

Вещи и понятия находятся в большем соответствии друг с другом при качественном понимании вещи, чем при традиционном ее понимании. Например, системам признаков, образующих физическое, химическое и т. д. понятия воды, соответствуют различные системы качеств, т. е. различные вещи. Эти системы являются составными частями единой системы качеств — целой вещи, соответствующей сводному понятию о воде. Конечно, системы качеств объективного мира несравненно богаче их отображений в голове человека. И количество объективных систем качеств неизмеримо больше таких систем, познанных на том или ином этапе развития науки.» Однако различным понятиям соответствуют различные вещи материальной действительности. Такой подход предохраняет от смешения понятий друг с другом и облегчает понимание их связи с внешним миром.

Качественное понимание вещи находится в полном соответствии с тем, как понимается предмет в логике и грамматике. Действительно, в логике под предметом понимается «все то, на что направлена наша мысль». Но все то, на что направлена наша мысль, можно представить в виде некоторой системы качеств будь то процессы, явления или события. Например, зима в умеренном поясе может быть представлена совокупностью таких качеств, как низкая температура, отсутствие листьев на деревьях, осадки в виде снега и т. д. Точно так же можно рассматривать отдельные свойства и отношения, как будет подробно показано во второй и третьей главах первой части настоящей работы.

Такие объекты получили название абстрактных сущностей или абстрактных предметов. В нашей философской литературе специально обосновывается правомерность оперирования этими предметами в мышлении в какой-то мере вопреки тому, что имеет место в действительности.

С позиций качественного понимания вещи такого несоответствия не возникает, поскольку процесс или свойство в качественном смысле такие же вещи, как, например, стол или табуретка.

Грамматическое понятие предмета по существу совпадает с логическим. В академической грамматике русского языка перечисляются следующие разновидности предметов, как они понимаются в грамматике: предметы, явления и события реальной действительности и особо выделяются... живые существа. Это перечисление неполно, потому что не охватывает идеальные вещи. Например, силлогизм не является предметом, явлением или событием реальной действительности. Не является он также и живым существом. И тем не менее это настоящий предмет в грамматическом смысле. Он выражается в языке словом, обозначающим предметы,— существительным.

Сущность грамматического понимания предмета хорошо выражена в школьном учебнике: «Предметом в грамматике называют все то, о чем можно спросить кто это? или что это?».

Кто это? или что это? можно спросить про все, на что направлена наша мысль, независимо от того, будет ли это предмет материального мира или его отражение в голове человека. Таким образом, грамматическая категория предмета соответствует

логической и тем самым качественному пониманию вещи.

Конечно, пространственные характеристики наиболее наглядны, они скорее всего «бросаются в глаза». Поэтому первоначальные значения слов «вещь» и «предмет», действительно, прежде всего пространственны, так же как и значения многих других слов. Однако это не является аргументом в пользу того, чтобы таким образом понимать эти слова и в настоящее время.

История языка показывает, как из первоначально чисто пространственных развивается множество иных, менее наглядных значений, которые в дальнейшем приобретают все большее употребление. Поэтому приведенные выше ссылки Тугаринова на этимологию слова «предмет» неосновательны. Философский анализ должен оперировать прежде всего не теми значениями слов, которые были основными в прошлом, а теми, которые становятся все более употребительными в процессе развития языка.

Многие факты говорят о том, что в языке качественное понимание вещи все более вытесняет чисто пространственное. Качественное понимание вещи проявляется в языке не только в отсутствии грамматической дифференциации материальных и идеальных объектов, но и в ряде других явлений. Например, мы говорим про взрослого, что это тот же самый человек, который был когда-то ребенком. Понимая вещь пространственно, мы должны были бы сказать про взрослого, что это тот же самый ребенок. Однако мы говорим, что это тот же самый человек. И это верно при качественном понимании вещи. Одна вещь — ребенок превратилась в другую вещь — взрослого, но это превращение совершается внутри качественных границ вещи, которую мы называем человеком.

Подытоживая, можно сказать, что качественное понимание вещи является единым и в онтологическом, и в логическом, и в грамматическом планах.

=====

А.И. Уемов. Вещи, свойства и отношения. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5 — 33.